

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

*Браки совершаются
на небесах*

Браки совершаются на небесах

Елена Арсеньева

**Самозванка, жена Самозванца
(Марина Мнишек и Лжедмитрий I)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Самозванка, жена Самозванца (Марина Мнишек и Лжедмитрий I) / Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Браки совершаются на небесах)

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Арсеньева

Самозванка, жена Самозванца

Марина Мнишек и Лжедмитрий I

Этот день он запомнил на всю жизнь...

В Брагин к князю Адаму Вишневецкому приехала его родня: брат Константин с женой Урсулой и сестрой жены, а также отцом обеих дам, воеводою сендомирским, – весьма важным, даром что низкорослым, шляхтичем. Готовилась охота. Это была любимая забава шляхты. Знатный пан не упустит случая пощеголять своими собаками, соколами да кречетами, ну а гости рады похвалиться блеском конских уборов, красотой скакуна, а главное – своей ловкостью и удалством!

На псарне шум и суета стояли небывалые. Народ бегал туда-сюда, грязи развезли – шагу не шагнуть! И вдруг вбежал какой-то хлопец с криком, мол, приезжая панна Марина Мнишек, сестра пани Урсулы Вишневецкой, желает взглянуть на щенят нового помета – с тем, чтобы отобрать себе добрую борзую. И через минуту во дворе появилась уже готовая к выезду в поле всадница на серой в яблоках, небольшой, будто точеной кобылке, а вслед за ней – и ее отец.

Шляхта принялась разметать грязь и пыль перьями своих шапок, слуги рангом ниже бухнулись на колени, ибо пан Юрий Мнишек был ближайшим другом прежнего короля, Сигизмунда-Августа, да и нынешним не обижен. Пан не чинясь спрыгнул с коня прямо в грязь да и скрылся в сарае, ну а вельможная панна, сидя в диковинном седле, замешкалась, даром что стремянной и коня придержал, и колено подставил, чтоб удобнее с седла сойти.

А куда сойти? Не в жидкую ведь кашу глиняную!

Григорий, стоявший с прочими на коленях, исподтишка косился на панну. Еще бы она не замешкалась, не желая запачкать в грязи свои крошечные замшевые сапожки! Райская птичка, а не девица. Сидит на тонконогой кобылке с блистающей, камнями украшенной упряжью, – вся такая маленькая, словно куколка выточенная, для охотничьей забавы в мужской костюм наряженная. Девка в шароварах! Такой уж обычай был в Польском королевстве, приводивший даже среднего¹ толстого монаха в немалое смущение, а уж о молодых хлопцах, конечно, и говорить нечего! Берет ее был украшен перьями и такими же самоцветами, как упряжь лошади. Носик у панны Мнишек был маленький, дерзкий, а глаза – ох, какие же у нее огненные глаза...

Григорий подавил пылкий вздох – словно очухался. Сорвался с места, скинул с плеч кунтуш – и швырнул его как раз на то место, куда ступила бы панна Мнишек, если бы решилась сойти с лошади.

Она только раз на него глянула, а Григорию почудилось, что в него ударило молнией. Так и закачался! Но тут недогадливая дворня будто проснулась: все кинулись срывать с плеч свитки, да азямы, да кунтуши и кидать наземь, так что скоро по двору протянулась словно бы ковровая дорожка, по которой и проследовала на псарню ясная панна, на испачкав своих маленьких ножек и не посадив ни малого пятнышка на синий бархат своих широких шаровар. А потом обратно по тому же ковру прошествовала, прижимая к груди крошечного толстолапого кобелька и шепча ему какие-то ласковые слова. За ней протопал отец, а потом оба ускакали с заднего двора. Панна Мнишек даже не удостоила Григория новым взглядом.

¹ То есть средних лет.

Впрочем, она вообще ни на кого из людей не смотрела – только на своего щеночка.

Слуги принялись разбирать свою одежду, отряхивать, чистить, и лишь Григорий оставался неподвижным. Его кунтуш вовсе втоптали в грязь, так что не надеть. Поэтому Григорий еще долгое время стоял в одной рубахе, а тут неожиданно задул северный студеный ветер, который принес дождь со снегом. Охота по причине непогоды отменилась; своры загнали во двор, собак надо было накормить (перед охотой их для резвости и остроты нюха выдерживали голодными) – словом, хлопот было немало. Вот тут-то, видать, Григория и прохватило ветерком да сквозняком. К вечеру он занемог, а к ночи совсем слег...

Его спутник монах Варлаам со страхом всматривался в пылающее от жара, вспотевшее лицо и думал: «Мать честная... как бы не помер!»

– Эй, Гришка, – осторожно потряс хворого за плечо. – Не помирай, а? Очухайся!

Тот медленно разомкнул веки, и на Варлаама глянули горячечно блестящие глаза.

– Князя мне... позови, – выдохнул Григорий. – Князя Вишневецкого.

– Да ты что? – всплеснул толстыми ладонями Варлаам. – Очумел? Видали! Князя ему!

Мыслимое ли дело: приду к пану и скажу, псарь-де Гришка просит вас к своей милости пожаловать. И что он со мной после этого сделает? Мало оплеухой наградит, а то и в холодную сошлет. Выпороть прикажет.

– Сходи... – выдохнул Григорий. – Во имя Господа Бога!

– Невеликое мне дело – сходить. Да разве господин меня послушается? Ну кто ты есть таков, чтобы пан к тебе пошел? Он – вельможа, князь Вишневецкий, а ты кто? Гришка, вот и все!

Между покрасневшими, опухшими веками словно бы синяя молния сверкнула. И голос больного вдруг зазвучал твердо, ясно, отчетливо:

– Да, он князь. А я – никакой не Гришка. Я законный государь земли русской, царевич Дмитрий.

Вслед за этими словами, от которых у Варлаама челюсть ниже плеч отвисла, Гришка раскрыл дрожащими, слабыми пальцами рубаху на своей груди и показал крест из чистого золота, осыпанный драгоценными камнями, и со слезами объявил, что сия святыня дана ему крестным отцом, князем Иваном Мстиславским.

* * *

На этого русского холопа Гришку и его толстого спутника, монаха Варлаама, поначалу никто и не обращал внимания. Мало ли голи перекатной нанимается на службу в богатые имения! Однако из Григория получился отменный псарь. У него обнаружился особенный дар врачевать заболевших собак, а свору свою князь Вишневецкий любил чуть ли не больше, чем иных людей, поэтому очень скоро Гжегош (так Григория называли поляки) сделался незаменим.

А Варлаам вовсе перестал узнавать своего спутника. Из скромного монашка, который вместе с ним бежал из Москвы, из Чудова монастыря, тот все больше превращался в подобие шляхтича – пусть и безденежного, и не родовитого, и кое-как одетого, даже без сабли, – необходимой принадлежности истинного шляхтича. По-польски Григорий трещал теперь небось скорей, чем по-русски. Научился стрелять из лука и арбалета, а также из пищали. Скакал верхом и выделывал разные причуды в седле, что твой татарин! Шляхтичи скоро прослышали о небывалой ловкости Гжегоша и не гнушались ввязываться с ним в излюбленные шляхтой состязания: на лету подбить птицу, да непременно в голову; попасть пулей или стрелой в написанное на бумаге слово; перепрыгнуть с разбега через высокий забор; вскочить на коня, не коснувшись луки седла. Гжегош побеждал в этих состязаниях играючи. Бывало, бросится в седло – и ударится в такой скач, что чудится: прочие кони словно бы на месте стоят и лишь копытами перебирают. Но всего больше славы было ему за то, что он стрелял без всякого про-

маха. Бывало, заставит кого-нибудь держать между растопыренными пальцами поднятой руки монету, а сам выстрелит – и в монету попадет. Никогда промаху не давал!

Тем человеком, который держал монету, был чаще всего Варлаам... Правда, сначала он отказывался из страха лишиться руки и быть вовсе застреленным, приняв пулю в голову, но когда понял, что паны ставят на выигрыш-проигрыш немалые деньги, начал даже подзуживать Григория ввязаться в новый спор, который паны шляхтичи на французский манер называли – пари. Так что скоро у бывших питомцев Чудова монастыря завелись деньжата, и им не приходилось больше донашивать чужие обноски – разжились своим собственным платьем. Варлаам купил малороссийское одеяние, ну а Григорий иначе как в польское больше не одевался.

И все же вот так, вдруг, назваться наследником русского престола! Да еще предъявить в доказательство крест!..

Конечно, ничем хорошим это не кончилось. Князь Адам приказать избить Варлаама и вышвырнуть вон дерзкого лгуна Гжегоша, который небось где-то украл драгоценность. Тот, впрочем, исчез прежде, чем до него добрались слуги князя. Исчез... но чтобы объявиться снова. Теперь он не нашел ничего лучшего, как написать тайное послание прекрасной панне Марине и подкинуть его в ее окошко.

«Лучезарной панне Марине Мнишек, ослепившей взор мой и в одно мгновение, подобно Цирцею, обратившей меня в своего покорного, верного, до смерти преданного раба», – так был, совершенно в духе того времени, надписан бумажный свиток, и Марина сперва задохнулась от этих дерзких и в то же время трепетных слов и лишь потом сообразила, что они написаны не по-польски, а по-латыни.

Это было уже интересно: на латинском языке писать простые люди никак не могли. Она развернула бумагу и прочла:

«Поверьте, прекрасная дама: тот несчастный, который до безумия любит вас, дал бы выпустить себе по капле всю кровь, чтобы подтвердить правдивость каждого своего слова. Вы взошли на тусклом небосклоне моей жизни, словно ослепительная звезда, любовь к вам окрылила меня. Благодаря вам я понял: настало время сознаться, открыть свое истинное имя. Довольно влачить жалкий жребий, навязанный мне убийцей моего отца и гонителем моей матери, пора смело взглянуть в глаза своей Судьбе, принять ее поцелуй – или тот губительный удар, который вновь низвергнет меня, ожившего мертвеца, в царство призраков, откуда я вышел ненадолго, поскольку тень отца моего меня воодушевила.

Знайте, панна Марина, что, будь я тем, кем меня привыкли считать окружающие, то есть наемным хлопцем Гжегошем или беглым монахом Григорием, я предпочел бы умереть от безответной любви к вам, но не осквернить ваш слух своим убожеством. Но обстоятельства моего происхождения позволяют обратиться к вам почти на равных, ибо я есть не кто иной, как младший сын царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным, и его жены Марии Нагой. Имя мое Димитрий Иванович, и если бы сложились обстоятельства в мою пользу, я воссел бы на российский трон и звался бы Димитрием Первым...»

Марина не поверила своим глазам и показала письмо сестре, а Урсула немедленно позвала мужа своего Константина – и самого Адама Вишневецкого.

Вишневецкие были истые пясты², а потому в чистом поле или в бальной зале отличались куда лучше, чем перед грифельной доской или чернильницей. Им потребовалось некоторое время, чтобы вникнуть в смысл письма, а когда это наконец произошло, братья призадумались.

Неужто не врет парень? А если врет, то уж больно складно... Чем черт не шутит, ведь чего только в жизни не бывает! Не поговорить ли с Гжегошем?

Они встретились со странным холопом и допросили его. Он говорил так убедительно, что братья почти поверили и решили свести его с отцом Марины – Юрием Мнишеком.

* * *

Даже если бы странный монах, называвший себя царевичем Димитрием, не влюбился с первого взгляда в дочь воеводы сендомирского, он в своей аванюре едва ли нашел бы себе союзника лучшего, чем пан Юрий Мнишек.

Пану Юрию было в описываемое время около пятидесяти лет, однако никто не посмел бы назвать его не только старым, но даже и пожилым человеком, потому что в поле, на охоте или в бою, а также в бальной зале этот невысокий плотный шляхтич мог дать фору любому молодому кавалеру. У него были игривые глаза, вкрадчивый голос, прихотливый ум, приятные манеры – и неумная жажда авантюры.

Появление непризнанного русского царевича было для него просто даром небесным, тем паче что в дело замесалась любовь, и к кому? К его старшей дочери Марине!

То впечатление, которое произвела на Димитрия сдержанная, изысканная красота Марины, было оглушающим, ослепляющим. Проведя жизнь по монастырям, Димитрий не знал женщин. В пути до Южной Руси он мимоходом общался с несколькими – из числа тех, которые отдавали тело за деньги. После встреч с ними мужское естество его разгорелось: теперь он не пропускал уже ни одной доступной красотки, вскоре сделавшись их любимцем. Однако очи Марины словно бы отравили его. С этой минуты он хотел только ее, ее одну, и, хотя плоть его порою бунтовала, одна лишь мысль, что слухи о его распутстве могут дойти до прекрасной панны, вынуждала его к суровой сдержанности. Он покинул прежних любовниц ради нее – и не считал это слишком большой жертвой.

Кто же была эта девушка, которая совершенно овладела душой и умом загадочного претендента?

Когда сестра панны Марины Урсула выходила замуж за князя Константина Вишневецкого, находились завистники (прежде всего – завистницы!), которые откровенно посмеивались над Мариной. Ну как же, младшая сестра пошла под венец раньше старшей! Это ли не позор? Тем паче что панна Марина не больно какая красавица. Маленького роста, сложения невидного: довольно сухоребрая. Только и есть что тонкая талия да волосы роскошные... Однако нос у нее длинноват, губы тонкие. Брови, правда, хороши... Но совершенно не за что считать ее признанной чаровницей. Эх, зря она отказала такому-то и такому-то! Как бы не засиделась в девках!

Панна Марина знала о пересудах, но отмалчивалась с самым высокомерным видом. Для нее все эти «такие-то» были мелкая сошка.

Да что они! Сам король Сигизмунд некогда предлагал панне Марине – весьма недвусмысленно! – сделаться его любовницей. Само собой разумеется, она отказалась. Королевская постель ее не влекла. Вот если бы Сигизмунд предложил ей трон...

И правильно сделала, что отказалась. Дождалась-таки своего часа!

² То есть настоящие, чистокровные поляки – по имени династии Пястов, правившей в Польше в X – XVI вв.

Пан Юрий Мнишек хорошо знал дочь. Страдания от разбитого сердца – это не для нее. Тщеславие и религиозность – вот были две движущие силы ее натуры. Она хотела бы уподобиться какой-нибудь католической святой, прославиться обращением в истинную веру огромных масс приверженцев другой религии. Например, православной... Сделаться московской царицей! Привести за собой на Русь легионы католических священников! Содействовать отторжению от Московии северных и западных земель – содействовать таким образом новому расцвету Речи Посполитой!

Это были ее заветные мечты, в свете которых не имело почти никакого значения, на самом ли деле посватавшийся к ней человек – московский царевич, сын Грозного, или авантюрист.

Марина не больно-то внимательно слушала его рассказы, начисто опровергавшие официальное объяснение этого события, распространяемое правительством Годунова. По нему выходило, что царевич Димитрий погиб еще 15 мая 1591 года в Угличе. Мальчик якобы невзначай зарезался ножичком. Ходили, правда, слухи, что убили его по приказу Бориса Годунова, однако это не меняло сути дела: младшего, последнего сына Ивана Грозного вот уже больше десяти лет не было в живых. Каким же образом и откуда возник этот Димитрий? Воскрес из мертвых?

История, рассказанная претендентом, была совершенно неправдоподобна – и весьма убедительна в одно и то же время. Якобы сразу после смерти Ивана Грозного, когда, по наущению своего шурина Бориса Годунова, новый царь Феодор Иоаннович удалил последнюю жену Грозного, Марию Нагую, в Углич с малолетним сыном, этот самый сын был тайно выкраден верными людьми. Предводительствовал ими друг и любимец Ивана Грозного Бельский. В деле были замешаны бояре Романовы – родственники первой жены Грозного, Анастасии, – которые ненавидели выскочку Годунова и провидели, что тот ни перед чем не остановится в своей неистовой жажде власти. Бельский скрытно увез царевича Димитрия в Нижний Новгород (сам Бельский был выслан туда воеводою), где тот и воспитывался, а потом отправлен под присмотр патриарха Иова – в московский Чудов монастырь, где он рос под именем послушника Григория. А вместо него в Углич, с ведома царицы Марии Нагой, был привезен сын бедного боярина Богдана Отрепьева-Нелидова, Юшка, то есть Юрий. Именно на него было совершено покушение по приказу Годунова. Но брат Марии Нагой спас раненого мальчика, к которому успел привязаться, и тайно увез его из Углича к боярину Александру Романову. А в Угличе похоронили пустой гроб. Царю было составлено донесение о смерти царевича – на том шум и затих.

Димитрий мало что знал о дальнейшей судьбе Юшки Отрепьева. Известно было только, что нравом удался он буен, дерзок, разгневал Романовых, а потому его постригли в тот же самый Чудов монастырь, где прятали законного наследника престола. Самое удивительное, что пострижен был он тоже под именем Григория.

Тем временем Димитрию, который доселе ничего не ведал о своей настоящей судьбе, было открыто его подлинное имя. Он немедленно решил вернуть отцовский престол. Однако в России, трепетавшей под тиранией Годунова, трудно было найти союзников, поэтому Димитрий (Гришка) напросился в попутчики к монаху Варлааму, который мечтал попасть в Святую землю, и отправился в Польшу. Именно здесь, у давних и вечных неприятелей России, он надеялся найти поддержку своим честолюбивым планам, посулив полякам все, что только можно было посулить, в награду за поддержку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.